

М. Н. Ефименко

Православно-исламский диалог как фактор стабильности современного российского государства

В статье проанализирована проблема межконфессионального диалога, представлены его основные виды и характеристики, рассмотрены особенности диалога между Русской Православной Церковью и исламом, как в прошлом нашей страны, так и в современной России, определены его богословские и исторические основания и выявлены основные тенденции его развития в российском обществе в целях обеспечения стабильности как фактора национальной безопасности государства и духовного здоровья граждан.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, ислам, религия, межконфессиональный диалог, Россия, национальная безопасность, стабильность общественного развития.

«Мира между народами не будет, пока не будет мира между религиями, а мира между религиями не будет, пока не будет диалога между религиями»

Ганс Кюнг

Православие и ислам в России прошли сложный исторический путь возникновения, становления и развития сначала на территории Древней Руси, затем на землях Московского государства, а позже – в Российской империи. На протяжении всей своей истории обе конфессии настолько тесно переплетались и с судьбой народов и с историей государства, что стали не только традиционными для России, но и неотъемлемыми от российского общества социальными институтами, которые каждый по своему участвовали в его жизни.

Сегодня, характеризуя религиозное пространство России, трудно не отметить, тот факт, что именно эти религии определяют конфессиональное спокойствие в стране, подавая пример другим религиозным направлениям в области межконфессионального диалога.

Религиозное пространство России представлено самыми разнообразными конфессиями, начиная от традиционных мировых и национальных форм, и заканчивая достаточно большим числом новых религиозных практик, насчитывающих в своей истории чуть больше двух десятков лет. Но именно это конфессиональное разнообразие и определяет необходимость выстраивания межконфессионального диалога как наиболее адекватной формы отношений между приверженцами различных вероисповеданий.

Следует выделить два основных вида межконфессионального диалога: диалог в узком смысле, и диалог в широком понимании. В узком смысле – под диалогом следует понимать формы коммуникации между направлениями одной религии. Под диалогом в широком смысле следует понимать взаимодействие двух различных религиозных систем, с одной стороны, на доктринальном уровне, требующее глубокого осознания догматических оснований веры, кон-

цептуальной разработки теологических отличий и культовой практики, а так же понимание различий в конфессиональном институциональном оформлении. С другой стороны, – на уровне всех социальных видов взаимодействия, которые обусловлены особенностями их существования в обществе. Именно этот вид межконфессионального диалога является предметом данной статьи.

Доктринальный диалог имеет первостепенное значение для тех вероисповедных сообществ, которые обрели статус социальных институтов. Этот диалог может приобретать особую остроту и напряженность, так как почти каждая религия заявляет о том, что ее трансцендентный опыт обладает вселенским и абсолютным характером, а все остальные учения несут на себе печать ложности.

Для истинного христианина признание того, что все религии учат вере в одного Бога и все религии предлагают равнозначные пути к Богу абсолютно невозможно.

И.А. Ильин, известный русский религиозный мыслитель очень точно подметил: «Каждый верующий человек, считающий свою веру истинной, предполагает (сознательно или бессознательно), что его собственный опыт имеет религиозно-предметное содержание; мало того, он предполагает, что иноверные люди осуществляют неверный религиозный акт, тогда как он сам и его единоверцы владеют верным религиозным актом. Из истории религий мы знаем, что это чувство чужой «неверности» в акте и содержании – при известных условиях... переживалось определенными людьми, народами так остро, что вызывало активный и даже кровавый протест против «нечестия» нечестивых и «кошунства» кошунствующих». [3, с. 120-121]

Однако в последнее время экуменический тезис об одинаковой приемлемости для верующего человека всех религий не был не только не отвергнут, но и получил определенные формы своего практического воплощения. Так во второй половине XX века, Католическая Церковь при всем своем консерватизме начинает рассматривать как реальность диалог с другими религиями, основанный на некотором доктринальном единении. В 1978 году создаются Комиссии по монашескому межрелигиозному диалогу в США и Бельгии, задача которых состояла в организации проживания католических и буддийских монахов в монастырях друг друга. В 1979 году японские монахи-буддисты проживали в католических монастырях Европы, а в 1984 году – католические монахи жили в дзен-буддийских монастырях Японии. Результатом этой акции стала концепция «Монах как универсальный архетип». [5, с. 91]

Протопресвитер А. Шмеман, анализируя тезисы так называемого «Призыва к богословскому утверждению» (Хартфорд, США, 1975 г.), разделяет его критический подход к утверждению, что все религии хороши и выбор веры зависит не от их истинности, а от личных предпочтений и образа жизни. Богослов пишет: «Мы утверждали важность исследования и пристального внимания ко всем проявлениям религиозных поисков и изучения богатств других религий. Но мы отвергаем вышеприведенный тезис, ибо он сглаживает различия и игнорирует противоречия. Этим он не только затемняет смысл христианской веры, но и подрывает уважение к аутентичности других верований. Важна истина, поэтому различия между религиями имеют очень серьезное значение». [7, С.228]

Русская Православная Церковь, следуя словам апостола Петра: «Господа Бога святите в сердцах ваших; [будьте] всегда готовы всякому, требующему у вас

отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет.3:15) на Архиерейском Соборе в феврале 2011 года четко определила для себя цели межконфессионального диалога: «Важной стороной христианского свидетельства миру является межрелигиозный диалог, участие в котором нашей Церкви основано на православном представлении об истине, исключающее смешение или искусственное соединение различных религиозных традиций. Целью этого диалога является поиск ответа на общие для всех верующих людей вызовы современности, обеспечение мирной жизни и сотрудничества людей разных религий, национальностей и культур, совместное противостояние экстремизму и терроризму, равно как и попыткам вытеснения религиозного мировоззрения из жизни общества». [6, С. 72].

Оренбургская область с момента начала своей официальной истории (XVIII в.) характеризуется как полиэтничный и поликонфессиональный регион, в развитии которого отражаются как процессы на уровне государства во взаимоотношениях между народами и религиями, так и местные коммуникативные связи этнического и религиозного характера. Для Русской Православной Церкви наиболее важными вопросами в регионе в плане межрелигиозного общения в имперский период стали вопросы общения со старообрядцами и мусульманами. Сегодня в силу небольшого количества старообрядцев, проживающих в регионе, эта проблема не актуальна для Оренбургской Митрополии. Но вопрос диалога с мусульманами продолжает оставаться ведущим, так как ислам по численности последователей занимает в регионе, как и по стране, второе место. По данным министерства юстиции РФ на 1 мая 2019 в Оренбургской области из 602 зарегистрированных религиозных общин 436 общины Оренбургской митрополии Русской Православной Церкви и 104 общины Регионального духовного управления мусульман Оренбургской области.¹

История диалога христианства и ислама насчитывает более тысячи четырехсот лет. Начало этой истории положила богословская полемика и диалог с исламом таких византийских авторов, как прп. Иоанн Дамаскин (VIII в.), прп. Феофан Исповедник (IX в.), Георгий Амартол (IX в.), св. Константин Философ (IX в.), Никита Византийский (IX-X вв.), Евфимий Зигавин (XI в.), Варфоломей Эдесский (XII в.), свт. Григорий Палама (XIV в.), св. Иосиф Вриенний (XV в.), свт. Симеон Фессалоникийский (XV в.) и др. В своих трудах богословы ставили задачу защиты христианского учения от тех теологических искажений, которые допустил ислам. «Уникальность диалога с мусульманами состояла в том, что вёлся разговор в плоскости библейской истории и библейских парадигм, но к самому тексту Библии как к авторитету прибегать было нельзя! – отметил Ю.В.Максимов, известный православный исследователь ислама. [1, С. 6].

Причиной тому было абсолютное убеждение мусульман в том, что христиане допустили искажения богооткровенных истин в своих священных книгах, поэтому Библия для мусульман не была авторитетной. Поэтому применялись такие элементы полемики как логические обоснования, обращение к повседневному опыту, к ценностям, которые важны для человека независимо от его религиозной ориентации.

¹ Информация предоставлена Управлением внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области.

Тенденции доктринального диалога заложенные византийскими авторами продолжили в новое и новейшее время отечественные богословы, религиозные философы и общественные деятели: прп. Максим Грек, свт. Игнатий (Брянчанинов), свт. Филарет (Дроздов), свт. Игнатий (Брянчанинов), святой праведный Иоанн Кронштадтский, свт. Николай Японский, прп. Макарий (Глухарёв), митрополит Антоний (Храповицкий) и др. Если характеризовать общий настрой дореволюционных авторов по отношению к исламу, то его можно определить как критически-скептический, так как в своем большинстве авторы подчеркивали непреодолимые отличия христианского учения и учения ислама и «не боялись говорить о необходимости проповедовать мусульманам истинное учение – Православие, без принятия которого, по мнению дореволюционных авторов, мусульмане не могут достичь спасения». [4]

Сегодня перед Русской Православной Церковью задача защиты истинности христианского учения не потеряла своего значения, однако, следует отметить, что доктринальные споры ведутся не на уровне жесткого противопоставления христианства и ислама и конфронтации, а в более сдержанной плоскости уважения и терпимости, так как человек, который искренне следует собственной религиозной традиции, будет ценить крепость веры и в представителе другой религии. Доктринальные различия продолжают оставаться непреодолимой границей диалога, но оппонирующая сторона воспринимается не столько как объект миссионерства, сколько как условие «углубления» собственной веры и духовного самоопределения.

Многовековая практика доктринального христианско-исламского диалога показала, с одной стороны, возможность обретения точек соприкосновения, а с другой, – почти кардинальное несовпадение религиозного опыта и культурно-исторических условий его формирования.

Так, мы констатируем тот факт, что в текстах Корана иудеи, христиане, последователи Аллаха рассматриваются в единой монотеистической традиции, которая восходит к Аврааму: «Ниспослал Он тебе писание в истине, подтверждая истинность того, что ниспослано до него. И ниспослал Он Тору и Евангелие, раньше в руководство для людей...» (Кор. 3:2); «Мы уже послали Нуха (Ноя) и Ибрахима (Авраама) и в потомстве их установили пророчество и писание...» (Кор. 57:26); «Потом мы отправили по следам их Наших посланников и отправили вслед Ису (Иисуса), сына Мариам (Марии), и даровали ему Евангелие, и вложили в сердца тех, которые последовали за ним, кротость и милосердие...» (Кор. 57:27); «Мы дали Мусе писание и вслед за ним Мы отправили посланников; и Мы даровали Исе, сыну Мариам, ясные знамения и подкрепили его духом святым» (Кор. 2:81). В текстах Корана есть свидетельство и того, что ислам считает христиан достаточно близкой к себе по вере: «Ты, конечно, найдешь ... , что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы – христиане!» Это – потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся» (Кор. 5:85).

Однако для христиан является неоспоримой истиной учение о том, что цепь библейских пророчеств и откровений являлась лишь постепенным приготовлением к Боговоплощению, и что Бог Слово принял крестные страдания во имя спасения человечества от греха. Поэтому образ Исы-аль-Масиха в коранических текстах как образ человека-пророка считается искажением образа Спасителя.

Современные российские реалии определяют необходимость перевода христианско-исламского диалога из плоскости доктринального в сферу межкультурного и социально-культурного взаимодействия. Основания для плодотворного проведения такого диалога заложила сама история становления российского геополитического пространства.

Исмаил-Бей Гаспринский, известный крымский татарский просветитель рубежа XIX-XX вв., подчеркивал, что присоединение к российскому государству территорий, на которых проживали мусульмане, веками исповедовавшие свою веру, не привело к разрушению ни религиозных традиций, ни привычного мусульманского культурно-бытового уклада: «Русские (читай – «российские» – М.Е.) мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже, в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы», и это не является случайностью, поскольку «ни один народ, кроме русского, так гуманно и чистосердечно не относится к покоренным народам». [2, с.22]

Исторические традиции взаимного уважения и терпимости православных христиан и мусульман в значительной мере обусловили мирный характер процессов религиозного возрождения в районах наиболее плотного взаимодействия этих двух конфессионально-культурных общностей, в том числе как в Оренбургской области, так и во всем Урало-Волжском регионе, хотя конфликтные ситуации, вызванные религиозным противостоянием на федеральном уровне, характерные для конца XX века, не могли не сказаться и на процессе выстраивания межконфессиональных отношений и в нашем регионе. Вместе с тем общий высокий уровень конфликтности, характерный для всего постсоветского пространства, не мог не затронуть и сферу православно-мусульманских отношений: от создания самостоятельного государственного образования типа «Идель -Урал» до попыток втягивания России в вооруженную конфронтацию с исламским миром под предлогом борьбы с «международным исламским экстремизмом».

Противостоять подобным проектам может в первую очередь многосторонний православно-мусульманский диалог как внутри России, так и на международной арене.

Литература

1. Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии) / под ред. Ю. В. Максимова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 230 с.
2. Гаспринский, Исмаил. Россия и Восток / Исмаил бей Гаспринский ; предисл. М. А. Усманова. – Казань : Фонд «Жиен»; Татар. кн. изд-во, 1993. – 130 с.
3. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта. – М., 1993. – С. 120-121.
4. Максимов, Ю. В. Отношение к исламу в дореволюционной России по трудам церковных авторов. Часть 2. – Текст : электронный // Православие. RU : сайт. – URL: <https://pravoslavie.ru/4350.html> (дата обращения: 10.02.2020)
5. Мельник, С. В. Классификации типов межрелигиозного диалога: анализ существующих подходов // Государство. Религия. Церковь. – 2018. – № 4(36). – С. 87-118.
6. Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 2011. – № 3. – С. 65-72.

7. Шмеман, А. Д. Церковь, мир, миссия : мысли о Православии на Западе / протопресв. Александр Шмеман ; вступ. ст. прот. В. Асмуса. – М. : Изд-во ПСТБИ, 1996. – С. 266, 228.

M. N. Efimenko

Orthodox-Islamic dialogue as a factor of the modern Russian state stability

The author analyzes the problem of inter-confessional dialogue, presents its main types and characteristics, examines the features of the dialogue between the Russian Orthodox Church and Islam, both in the past of our country and in modern Russia, defines its theological and historical foundations, and identifies the main trends of its development in Russian society in order to ensure stability as a factor of national security of the state and spiritual health of citizens.

Keywords: Russian Orthodox Church, Islam, religion, interfaith dialogue, Russia, national security, stability of social development.

References

1. Vizantijskie sochineniya ob islame (teksty perevodov i komentarii) [Byzantine writings on Islam (translation texts and comments)] / edited by Yu. V. Maksimov. Moscow: PSTU Publishing house, 2006. – 230 p.
2. Gasprinsky, Ismail Rossiya i Vostok [Russia and the East] / Ismail Bey Gasprinsky; [Preface. By M. A. Usmanova]. – Kazan: The Fund “Zhizn” : The Tartars. Book publ., 1993. – 130 p.
3. Ilyin, I. A. Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious experience]. – Moscow, 1993.- pp. 120-121.
4. Maximov, Yu. V. Otnoshenie k islamu v dorevolucionnoj Rossii po trudam cerkovnyh avtorov [Attitude to Islam in pre-revolutionary Russia according to the works of Church authors]. Part 2 [Electronic resource]. Mode of access: <https://pravoslavie.ru/4350.html> (Date of access: 10.02.2020).
5. Melnik, S. V. Klassifikacii tipov mezhreligioznogo dialoga: analiz sushchestvuyushchih podhodov [Classification of types of interreligious dialogue: analysis of existing approaches] / / Gosudarstvo. Religiya. Cerkov' [State. Religion. Church] No 4(36), 2018. – pp. 87-118.
6. Opredeleniya Arhierejskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. O voprosah vnutrennej zhizni i vneshnej deyatelnosti Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Decisions Of The Bishops' Council Of The Russian Orthodox Church. On issues of internal life and external activity of the Russian Orthodox Church] / / Journal of the Moscow Patriarchate. 2011. No. 3. – Pp. 65-72.
7. Schmeman, A. D. Cerkov', mir, missiya : mysli o Pravoslavii na Zapade [Church, world, mission: Thoughts on Orthodoxy in the West] / Protopresbyter Alexander; [Intr. article by Archpriest V. Asmus]. – Moscow: PSTBI publishing house, 1996. – 266 p.